
КОНЦЕПТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ И ЭКСКЛЮЗИИ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: ДРЕЙФ ПО СОЦИАЛЬНЫМ ИНСТИТУТАМ, АКТОРАМ И ПРАКТИКАМ

Виктория Антонова

Данная статья предлагает взглянуть на концепты социальной эксклюзии и инклюзии в их современном прочтении с позиций таких вызовов глобального общества, как мультикультурализм, – фиксирующих внимание не только на структурных неравенствах, но и на культурных, идеологических, поведенческих аспектах, отвечающих за маргинальное состояние тех или иных групп, сообществ, индивидов. Раскрывается первостепенная роль индивида в наращивании «капитала преодоления разрывов» с тем, чтобы в рамках деятельностной парадигмы устанавливать отношения доверия, способствующие продвижению в обществе социальной интеграции. Основой анализа служат примеры западных и отечественных инициатив, мер, направленных на просвещение общества в вопросах социальной инклюзии и привлечение внимания к растущим основаниям социальной эксклюзии. Определенный акцент сделан на процессах социальной инклюзии мигрантов и в целом на возможности социальной инклюзии в мультикультурном обществе.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, инклюзия, интеграция, мультикультурализм, мигранты

THE CONCEPTS OF SOCIAL INCLUSION AND EXCLUSION IN GLOBAL SOCIETY: A JOURNEY WITHIN SOCIAL INSTITUTIONS, ACTORS AND PRACTICES

Victoria Antonova

This article makes an attempt to look at the contemporary concepts of social exclusion and social inclusion from the position of such challenges of a global society as multiculturalism, as this perspective pays attention not only to structural inequality, but also to cultural, ideological and behavioural aspects which are in charge of the marginal position of some groups, communities and individuals. A primary role of an individual in building up the "bridging social capital" is presented in order to develop trust – in a framework of the action paradigm – and therefore promote social integration in society. The analysis is built on a number of Western and Russian policies, initiatives and practices that aimed at educating our society in terms of social inclusion and at attracting attention to an increasing number of the reasons for social exclusion. An emphasis is placed on the processes of social inclusion of the migrants as well as on a general issues of social inclusion in a multicultural society.

Keywords: social exclusion, inclusion, integration, multiculturalism, migrants

**Социальная эксклюзия и инклюзия:
теоретические, идеологические и прикладные аспекты***

Как справедливо отмечает известный канадский философ, политолог и социолог Уилл Кымлика, в последние два десятилетия социальные государства во всем мире продолжают находиться под серьезным гнетом целого ряда глубоких социальных изменений, к которым прежде всего следует отнести глобализацию, технологический прогресс, миграционные и демографические тренды, включая старение населения, трансформацию существующих идеологий [Banting, Kymlicka, 2006. P. 4]. Кроме того, глобальная проблема многообразия привносит в жизнь современных обществ дополнительную тревогу, которой Гудхарт и Пирс дали имя «нарастающей дилеммы» (*progressive's dilemma*): каким образом попеременно обеспечивать в рамках социальной политики то справедливое перераспределение в обществе, то реализацию принципов мультикультурализма [Ibid. P. 5]? Задавая тон исследованиям в различных отраслях науки, – политологических, социологических, педагогических, психологических, – проблемы инклюзии в современном российском обществе приобретают «не только очевидный дискурс гражданственности, цивилизованности государства», но предлагают рассматривать инклюзию как «принцип социального государства и гражданского общества, причем в контексте постиндустриального общества как развития сектора услуг и информации, новых типов ресурсов, модификации социальной структуры» [Инклюзия как принцип... 2008. С. 6]. Сегодня неумелое обращение с культурным многообразием вполне может привести к подрыву основ социального государства.

В российской действительности понимание указанных сложностей и дилемм только начинает обретать свои очертания и, прежде всего, находит выражение в обращении к социальной инклюзии как принципу социальной политики. Она должна быть, с одной стороны, дифференцированной, т. е. предлагающей различным группам разные ее формы [Малева, 2012], а с другой – способствовать социальной интеграции всех членов общества, которую должна обеспечивать не только доступная система социальной защиты, но и наличие институтов развития. Вероятно, в условиях мультикультурного общества, все основные усилия государства по обеспечению достойной жизни граждан должны носить в определенном смысле инклюзивный характер, чтобы реализация политик в пользу тех или иных социальных групп не оборачивалась эксклюзией для других. Опыт развитых западных стран, являющихся в основе

* Статья подготовлена в рамках проектов Центра социальной политики и гендерных исследований «Сравнительный анализ процессов социальной политики на постсоциалистическом пространстве» при поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров.

своей «мигрантскими», мультикультурными, например Канады, явно демонстрирует, что есть все основания ожидать, что меньшинства, будь то недавние мигранты или те, кто исторически проживает на территории страны, будут продолжать настаивать на признании и выдвигать все новые требования, которые множатся под влиянием огромного количества факторов социального, экономического, политического характера, укорененных в существовании современных обществ [Banting, Kymlicka, 2006. P. 4].

В связи с этим нам кажется важным обратить внимание на происходящее сегодня переосмысление и формирование основ национальной политики России. Оказавшись перед вызовами мультикультурализма двумя десятилетиями позднее западных государств, Россия разрабатывает и утверждает в декабре 2012 г. Стратегию государственной национальной политики страны, которая «носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер, призвана развивать потенциал многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей)» [Указ Президента... 2012]. Несмотря на то, что в явном виде в документе такие понятия, как «инклюзия» или «эксклюзия» не присутствуют, имплицитное обращение именно к сути этих концептов, на наш взгляд, заложено в ряде его положений. Так, среди целей заявлены, например, гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов).

В качестве принципа национальной политики России определено равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Таким образом, следует, на наш взгляд, согласиться с тем, что «инклюзия становится новым кодовым знаком для обозначения стремления к преодолению неравенства, обретения свободы и нового качества жизни» [Инклюзия как принцип... 2008. С. 6].

Вернее, инклюзия была таким кодом со второй половины XX в., сформировавшись в ответ на явление социальной эксклюзии, связанной, как свидетельствует Хилари Силвер, прежде всего с упоминанием бедных в качестве *les exclus* во Франции 60-х гг. XX в., а затем, в 80-х гг., уже с распространением этого понятия на все более широкий слой социально незащищенных лиц. К ним принято было причислять умственно и физически неполноценных, пожилых и инвалидов, людей с суицидальной склонностью, детей, подвергшихся насилию, наркоманов,

преступников, матерей и отцов-одиночек, маргинальных, асоциальных лиц, семьи с множественными проблемами и других «неудачников», плохо приспособленных к жизни [Silver, 1994]. Необходимость каким-то образом справиться с *les exclus* привела к формированию разного рода социальных программ, направленных на их социальную поддержку. Со временем, ближе к концу XX в., термин «социальная эксклюзия» начинает подчеркивать не столько экономические сложности, сколько фиксирует растущую неустойчивость социальных связей: нестабильность семей, рост числа одиноко живущих людей, социальную изоляцию и заметное снижение уровня социальной солидарности, основанной на разного рода союзах, соседствах и сообществах, а также на развитых социальных сетях. Таким образом, социальную эксклюзию следует рассматривать не только с материальной, но и с символической точки зрения [Silver, 1994].

На наш взгляд, задействованными в обеспечении социальной инклюзии в обществе должны быть основные социальные институты, а также множество получающих сегодня развитие социальных сервисов, которые, с одной стороны, предлагают разнообразие социальных услуг на любой вкус и кошелек, а с другой – как раз могут работать на восстановление значительно истончившейся в последние два десятилетия социальной сплоченности и солидарности, привлекая к служению общественным интересам бизнес, некоммерческий сектор, волонтеров, различные общественные объединения и движения. В условиях мультикультурного общества появляются новые символические системы, которые опираются на такие проявления культурного многообразия, как этническая кухня и этнические мотивы в современной одежде, этническая музыка и искусство. Эти проявления легкого, называемого еще сувенирным, мультикультурализма (*boutique multiculturalism*) [Fish, 1997. P. 378] во многом служат популяризации этнокультурных различий и восстановлению исчезающей социальной солидарности [Малахов, 2002; 2011].

Предлагая социологическое определение эксклюзии, Хилари Силвер отсылает нас к дефиниции, которую дает М. Ксиберрас с опорой на риторику Э. Дюркгейма: это результат постепенного разрушения социальных и символических связей – экономически, институционально и индивидуально значимых, – которые в нормальном состоянии скрепляют индивида и общество [Silver, 1994. P. 534].

Следует отметить, что некоторые исследователи предлагают различать ситуацию и состояние социальной эксклюзии, полагая, что первое – это некие объективированные обстоятельства, оказавшись в которых люди не могут воспользоваться предоставленными им социальными или иными правами [Бородкин, 2000. С. 7]. Например, из-за отсутствия соответствующих архитектурных деталей – пандусов, широких коридоров –

многие «колясочники» не имеют возможности посещать музеи, а слабо-видящие люди не могут сформировать представление о том или ином скульптурном шедевре, поскольку их нельзя трогать руками, т. е. нарушается право на доступ к культурным благам. Таким образом, в ситуации социальной эксклюзии оказываются люди, чьи права ущемляются в том или ином виде. Состояние же социальной эксклюзии есть итог самоидентификации и личного восприятия человеком сложившейся жизненной ситуации [Бородкин, 2000. С. 7]. Так, параолимпийцы, добившиеся высоких результатов в различных видах спорта, чаще всего не ощущают себя исключенными из общества, а наоборот, являются примером для всех в части поддержания активной жизненной позиции и позитивного взгляда на жизнь.

М. Вольф классифицирует ситуации социальной эксклюзии следующим образом: эксклюзия от средств к существованию; от социальных услуг, благосостояния и сетей социальной безопасности; от культуры потребления; от политического выбора; от массовых организаций и солидарностей; от возможности понимания происходящего [Wolf, 1994]. В российском законодательстве принято считать людей, социально исключенных из общества, попавшими в «трудную жизненную ситуацию». Федеральный закон 1995 г. «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» определяет группы, о которых должна проявляться забота как о нуждающихся в помощи из-за особо тяжелых жизненных ситуаций, в которые они попали.

Поскольку оснований для социальной эксклюзии в современном мире становится все больше, на рубеже веков, считает Энтони Гидденс, понятие социальной эксклюзии превратилось в своего рода модное словечко – buzzword [Giddens, 2000], что свидетельствует о значительной диффузии соответствующего дискурса и его преимущественной роли в политической сфере. А современная британская исследовательница Рут Левитас отмечает, что язык социальной эксклюзии больше не принадлежит только экспертному сообществу, а стал обычным в публичном дискурсе и проник в политику правительства [Levitas, 2005. P. ix].

Следует подчеркнуть, что определение социальной эксклюзии, сформулированное Рут Левитас и ее соавторами, концентрирует внимание на том, что социальная эксклюзия может относиться как к индивиду, так и к группе, а также может характеризовать различные направления общественной жизни [Levitas et al., 2007. P. 25]. Следовательно, социальная инклюзия, вероятно, должна обеспечить защиту от любых ситуаций эксклюзии, и как не допустить появления новых социально исключенных лиц и групп, так и помочь возврату в полноценное общество уже попавших в ловушку эксклюзии.

Говоря о социальной инклюзии, имеет смысл, на наш взгляд, считать, что это есть некий процесс, который должен ограничить в обществе

условия для появления тех самых ситуаций, которые объективируются в виде ущемления прав и эксклюзии. Здесь мы солидарны с европейскими разработчиками документа, названного «Создавая инклюзивное общество: реальные стратегии для продвижения социальной интеграции», которые дают следующее определение:

социальная инклюзия есть процесс, включающий определенные усилия для достижения равных возможностей для всех, независимо от пола, возраста, социального статуса, образования, этнической принадлежности и т. д., с тем, чтобы обеспечить полноценное и активное участие во всех сферах жизни, включая гражданскую, социальную, экономическую и политическую активность и также участие в процессе принятия решений, а также процесс, с помощью которого общество борется с бедностью и социальной эксклюзией [Creating an Inclusive Society... 2009. P. 12].

Имеющая европейские корни трактовка понятия социальной инклюзии/эксклюзии в последние десять лет получила постоянную прописку в документах Европейского союза, касающихся самого широкого спектра социальных проблем стран союза и связанных с ними вопросов, включая реформу системы социальной защиты. Так, с 2001 г. страны – члены ЕС составляют так называемые Национальные планы действий по социальной инклюзии и представляют их в Брюссель для экспертного рецензирования и включения в Совместный отчет по социальной эксклюзии [Silver, 2010. P. 187]. Целевыми группами «программы активной инклюзии» в разное время были дети, живущие в нищете, бездомные, цыгане и мигранты, инвалиды [Silver, 2010. P. 189].

Основываясь на приведенных определениях, заметим, что механизмы, мотивации и агенты социальной инклюзии и социальной эксклюзии различны, и социальная инклюзия и эксклюзия вовсе не являются сторонами одной медали. Исключение может служить, например, наказанием, санкцией за нарушение норм группы. Кроме того, эксклюзия и дискриминация могут быть выражением явной ненависти, желания дистанцироваться самому или дистанцировать свою группу, культуру от негативных характеристик, стигмы, которые следуют за контактом с «другим» [Silver, 2010. P. 193].

В свою очередь, в европейском формате социальная эксклюзия и социальная инклюзия различаются следующим образом: первая имеет дело с социальными проблемами, вторая – с членством, принадлежностью к определенной группе, сообществу [Vauböck, 2001. P. 45], что сближает инклюзию с партнерством, участием в разного рода ассоциациях. Как бы то ни было, достижение социальной интеграции в обществе предполагает реализацию инклюзивных практик во всех сферах его жизнедеятельности.

Через социальную инклюзию – к социальной интеграции: современные зарубежные и отечественные практики

Так называемая Европейская «зеленая книга»¹ по проблемам Европейской социальной политики, предложенная Комиссией Европейских сообществ в качестве стратегического документа Европейскому союзу в 1993 г., содержала большую озабоченность социальными изменениями, приведшими к проявлению в Европе все большей социальной эксклюзии. Она предлагала в свете преодоления создавшейся ситуации «стимулировать солидарность и социальную интеграцию», а именно: развивать превентивные и реабилитационные меры в отношении бедных и социально исключенных групп; заниматься анализом рисков и возможностей молодых граждан Евросоюза; уделять внимание экономической и социальной роли пожилых в обществе; представлять равные возможности всем иммигрантам, включая приезжающих из стран третьего мира; обеспечивать интеграцию людей с ограниченными возможностями здоровья; бороться с проявлениями расизма и ксенофобии; охватывать жителей сельской местности всеми необходимыми социальными услугами» [European Social Policy... 1993. P. 43–49].

Социальное государство, вмешиваясь в социальные отношения, с помощью инклюзии обеспечивает выполнение социальных прав. Усиливающееся культурное многообразие общества заставляет социальные институты вырабатывать новые практики инклюзии в отношении мигрантов, людей с ограниченными возможностями здоровья, представителей различных доходных и возрастных групп. Иными словами, «принцип включения замещает солидарность, которая основывается на принадлежности индивидуума к одной и только одной группе» [Сизова, 2006. С. 176]. Следовательно, именно в социальной инклюзии заключается возможность государства проводить политику социальной интеграции, которая, предположительно, должна стать цементирующей основой всякого социального государства и одновременно должна каким-то образом учитывать не ослабевающее культурное многообразие общества.

Соглашаясь с В. Ярской, под социальной инклюзией в широком смысле будем понимать «демократическую акцию включения индивида или группы в более широкое сообщество с целью приобщения к определенному действию или культурному процессу» [Ярская, 2008. С. 11] и будем считать, что социальная инклюзия – обязательный процесс, ведущий к социальной интеграции, которая превращает всех членов общества в лояльных граждан, независимо от их этнического происхождения,

¹ Green Book – официальный правительственный документ, содержащий предложения относительно будущей политики правительства, который представляется парламенту для обсуждения. Название дается по цвету обложки документа.

уровня культурного и социального капитала, наличия ограничений по здоровью.

Ульрих Бек подчиняет различие в формате эксклюзии логике «или/или». В этом случае

мир выглядит как сосуществование и соподчинение отдельных миров, в которых идентичности и принадлежности исключают друг друга. Каждый неожиданный случай рассматривается как чрезвычайный. Он раздражает, шокирует, ведет к вытеснению или к активности, восстанавливающей порядок [Бек, 2001. С. 96–97].

Именно такой формат различия превалирует сегодня в российском обществе: будь то представитель нетрадиционной сексуальной ориентации, или ребенок с инвалидностью – основным откликом на «исключительность случая» будет попытка вывести его за границу норм и правил и тем самым объяснить невозможность его существования в рамках действующего социального порядка.

Преимущества инклюзивного различия, согласно У. Беку, заключаются в том, что оно делает возможным более подвижную дефиницию «границы», когда те «возникают не путем исключения, а благодаря особым образом закрепленным формам "двойной инклюзии"» [Бек, 2001. С. 96–97]. То есть если кто-то принадлежит разным группам, сообществам, то он тем самым себя ограничивает и эти инклюзивные ограничения, будучи подвижными, делают возможным взаимное переплетение лояльностей. На наш взгляд, подобные свойства инклюзивного различия сослужат добрую службу различным инклюзивным политикам, которые в таком случае будут представлять некоторое поле для установления новых границ и обнаружения новых лояльностей именно с позиции дополнения, включения, инклюзии.

Несмотря на давно ведущиеся дискуссии о том, что сама концепция национального социального государства и справедливости не может быть реализована одновременно с политикой «открытых дверей», ряд европейских государств в течение последних лет предпринимали попытки выработать разнообразные подходы к инклюзивной культуре социальных институтов и социальных сервисов с целью сформировать основу для социальной интеграции в обществе. Богатый и противоречивый европейский опыт управления культурным многообразием на уровне социальных сервисов был обобщен в опубликованном в 2011 г. Советом Европы Методическом руководстве «Создавая инклюзивную институциональную культуру: межкультурные компетенции в социальных сервисах» [Constructing an Inclusive... 2011], что стало значительным событием для исследователей, практиков, общественных деятелей, прежде всего в сфере социальной политики и прав человека. Указанный документ, на наш взгляд, может явиться важным подспорьем в части ознакомления с зарубежным опытом

и накопления экспертного знания в сфере социальной инклюзии и социальной интеграции.

Кроме того, странами Европейского союза был разработан такой инструмент мониторинга социальной инклюзии и положения мигрантов в Европе, как Европейский Индекс гражданства и инклюзии (European Civic Citizenship and Inclusion Index), который вышел в свет в 2005 г. [European Civic Citizenship... 2005]. В значительной степени озабоченные проблемами, связанными с миграцией, страны – члены Евросоюза создали методологию, которая должна позволить в сравнительной перспективе оценивать возможности входящих в Евросоюз государств реализовать в отношении прибывающих к ним иммигрантов политику инклюзии, которая, согласно указанному индексу, должна обязательно включать:

- инклюзию на рынке труда;
- возможность воссоединения семей;
- возможность длительного проживания на территории государства;
- натурализацию;
- антидискриминационные меры.

Приведенная нормативная рамка социальной инклюзии основывается на принципах равного доступа к социальному обеспечению, социальной справедливости, социальной сплоченности и в сравнительной перспективе должна способствовать формированию прозрачного информационного поля и позитивной конкуренции между странами – членами Евросоюза.

Еще одна совместная инициатива Европейской Комиссии и Совета Европы – проект «Межкультурные города» – имеет целью развитие модели, способствующей межкультурной интеграции в различных городских сообществах. Отличительным признаком межкультурного подхода в городах является то, что он направлен на включение в него всех жителей и придает особенное значение коллективной ответственности и коллективным действиям [Межкультурные города... 2009]. В состав пилотных городов вошли Берлин, округ Нойкельн (Германия), Осло (Норвегия), Ижевск (Российская Федерация), Патрас (Патры) (Греция), Лион (Франция), Реджио Эмилия (Италия), Люблин (Польша), Суботица (Сербия), Мелитополь (Украина), Тилбург (Нидерланды), Нюшатель (Швейцария).

Программа «Межкультурные города» была задумана с целью достижения достаточно широких целей:

- стимулировать открытое обсуждение, критический анализ и пересмотр политики в пилотных городах на основе межкультурного подхода к миграции, интеграции и социальной сплоченности;
- поощрить пилотные города к разработке всесторонней межкультурной стратегии для управления городским разнообразием;

- выработать модель межкультурной политики и стратегии развития вместе с методами оценки, которая станет образцом и вдохновляющим примером для других европейских городов.

Как можно видеть, в модели реализуется принцип, введенный Э. Гидденсом, который понимает индивида как активного социального субъекта и отмечает наличие взаимосвязи между социальными институтами, которые, по его мнению, являются бессубъектными, и индивидами и их сообществами (социальными субъектами) [Giddens, 1979]. Однако, считая социальных субъектов агентами, следует также иметь в виду, что они

первоначально социализируются в рамках тех социальных институтов, которые уже существуют, и лишь позже, приобретя необходимый личностный и статусный ресурс, своими практическими действиями влияют на изменения социальных институтов и иных структур вплоть до их радикальных преобразований [Как люди делают себя... 2010. С. 16].

Иными словами, и создание инклюзивной институциональной культуры, и разработка европейского индекса гражданства и инклюзии, и мероприятия в рамках программы «Межкультурные города» – все это результаты практических действий агентов, способствующие адаптации социальных институтов под потребности культурного многообразия современного общества. Основная характеристика «людей XXI в.», это – люди, «которые деятельно идут в ногу со временем» [Оберемко, 2008. С. 249]. Можно сказать, что именно такими людьми являются агенты, поддерживающие идеи социальной инклюзии. Мы солидарны с позицией О. Оберемко, что деятельностная активность, а не разделяемые современные ценности является надежным признаком склонности данной группы к инновационному поведению или его отсутствию, что, в свою очередь, указывает на ее способность или неспособность участвовать в трансформации социальной среды и выступать агентом [Там же].

Среди достижений таких агентов важно отметить и проект UNICEF Child Friendly Cities – «Города, доброжелательные к детям». В качестве приоритетных направлений этой инициативы заявлено создание инклюзивного общества. Организаторы и исполнители этой поддержанной в России инициативы считают, что «необходимо создать условия для максимального развития и реализации потенциала каждого ребенка независимо от его состояния здоровья, национальности, пола и других признаков» [Города...]. По данным информационно-аналитического ресурса «Социальный навигатор», в рейтинге 18 российских городов, доброжелательных к детям, на первых пяти позициях находятся Петрозаводск, Москва, Новокуйбышевск (Самарской области), Краснодар, Волгоград [Рейтинг российских городов... 2011].

Кроме того, нельзя не заметить, что в данном случае такими действующими социальными субъектами являются, прежде всего, экспертные сообщества и отдельные представители местных властей. То есть мы имеем

дело с ресурсоемкими социальными субъектами, которые формируют и своими практиками закрепляют правила социальных взаимодействий, трансформируют институциональную среду и одновременно наращивают собственный капитал (экономический, политический, властный, капитал взаимодействия, контроль за средствами массовой информации) [Как люди делают себя... 2010. С. 16].

Подчеркнем, что участие одного Ижевска в проекте «Межкультурные города» [Intercultural Cities...] уже внесло пусть небольшой вклад в формирование новых правил социальных взаимодействий и трансформировало институциональную среду городских институтов, тем самым давая возможность и слабонересурсным агентам (мигрантам, волонтерам, представителям социально уязвимых групп) увидеть и почувствовать возможность перемен, повысить уровень доверия к институтам и жителям города. Вот как выглядит определение межкультурного города, по мнению создателей проекта [Ibid.]:

В межкультурном городе живет разнообразное население, состоящее, в частности, из представителей разных национальностей, разного происхождения, говорящих на разных языках, исповедующих разные религии/верования. Большинство граждан воспринимают разнообразие как ресурс, а не как проблему, и согласны с тем, что все культуры изменяются, встречаясь в публичном пространстве. Городские власти открыто поддерживают уважение к разнообразию и плюралистическую идентичность.

Город активно борется с предубеждениями и дискриминацией и обеспечивает всем равные возможности, приспособляя свои управленческие структуры, институты и службы к потребностям разнообразного населения, не дискредитируя принципы прав человека, демократии и буквы закона.

Высокий уровень доверия и социальной сплоченности помогает избегать конфликтов и насилия, повышать эффективность политики и делать город привлекательным и для жителей, и для инвесторов¹.

Как можно видеть, подобная концепция предполагает не только наличие агентов, но и направленность их усилий, в том числе на формирование или восстановление доверия в обществе, которое в данном случае можно рассматривать как пополнение ресурсов социальных институтов со стороны социальных субъектов [Archer, 2003].

Отношение к мигрантам как индикатор успешности процесса инклюзии в обществе

Несмотря на приведенные выше успешные примеры реализации социальной инклюзии, приходится констатировать, что иногда российская

¹ Перевод сделан автором.

интерпретация вызовов мультикультурализма, на наш взгляд, может наоборот только усугубить проблему социальной исключенности, например мигрантов. Так, попытка начать решать проблему все увеличивающегося культурного разнообразия в России (в основном за счет миграции) с принятия уже упомянутой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации привела в том числе к таким предложениям, как создание специальных лагерей (кампусов) для мигрантов, где их должны принудительно адаптировать к жизни в России. Такую идею выдвинул еще в период публичного обсуждения проекта Стратегии заместитель председателя Госдумы, руководитель Высшего Совета ЛДПР Игорь Лебедев [Лагеря для мигрантов... 2012]. Сегодня этот проект поддержан «Гражданской платформой» Михаила Прохорова [Прохоров готовит лагеря для мигрантов... 2013]. Очевидно, что подобного рода принудительная адаптация не может способствовать развитию инклюзивного потенциала России и повышению доверия к властным институтам как со стороны мигрантов, так, вероятно, и со стороны принимающего сообщества.

Во вступительной статье к русскому переводу монографии Э. Гидденса отмечается, что в обществе, где господствует глобализация, произошла замена «чувства доверия <...> повсеместным недоверием, которое затронуло не только бизнес-структуры и повседневную жизнь, но и официальные власти, утратившие понимание того, что собой представляет общее благо и есть ли оно вообще помимо частных интересов» [Дмитриев, 2011. С. 103–104]. Наличие доверия в современном обществе, отмеченном высоким уровнем культурного разнообразия, становится все более необходимым условием для реализации инклюзивной социальной политики и одновременно способствует накоплению того типа социального капитала, который Р. Патнэм называл «капиталом наведения мостов» или преодоления разрывов [Putnam, 2000. Р. 22–24]. Речь идет о том, что для создания мирных развивающихся сообществ в мультикультурной стране недостаточно наличия так называемого «капитала соединения», т. е. капитала, формирующегося, когда индивид социализируется с людьми, которые походят на него, например, по возрасту или вероисповеданию. В условиях культурного многообразия важно иметь второй вид социального капитала – капитала преодоления разрывов. Преодоление состоит в том, чтобы индивид смог наладить связи и солидаризироваться с людьми, которые не походят на него, как, например, фанаты другой футбольной команды или представители противоположного политического течения. Р. Патнэм утверждает, что эти два вида социального капитала, соединяясь, усиливают друг друга и создают в обществе атмосферу доверия [Ibid.].

Наличие двух типов социального капитала, таким образом, помогает индивиду испытать/установить доверие к «обобщенному другому».

Как пишет О. Оберемко, «обобщенный другой – это максимально абстрактный персонифицированный образ общества, членом которого индивид себя считает и по которому сверяет (настраивает, регулирует) свое социальное поведение» [Оберемко, 2008. С. 277]. Поскольку инклюзивные практики развиты в нашем обществе слабо, интеграция происходит искусственно и поверхностно, в отрыве от принятия основных ценностей и установок социального поведения, либо по большей части вообще не происходит. Такое положение не позволяет установиться в обществе климату доверия, который предполагает, что индивидуальные его члены высоко оценивают шансы того, что остальные будут выстраивать свои взаимодействия взаимно ожидаемым образом [Оберемко, 2008. С. 278].

Говоря о социальной инклюзии в рамках деятельностной парадигмы и о доверии как важном условии осуществления социальной инклюзии, нельзя не отметить того явления, которое И. Гофман назвал «вежливым невниманием» [Goffman, 1963. P. 84]. Э. Гидденс, например, считает, что поддержание вежливого невнимания является очень важной предпосылкой доверия, требуемого в ходе обычных встреч с незнакомцами в общественных местах. Он приводит в противовес вежливому невниманию пример «ненавидящего взгляда», которым часто в известном прошлом награждали белые жители южных штатов США чернокожих в общественных местах. Тем самым демонстрировалось отрицание прав чернокожих на участие в некоторых общепринятых формах взаимодействия белых с себе подобными, т. е. такое поведение было молчаливым, но достаточно ярким доказательством существования социальной инклюзии части населения на основе цвета кожи [Гидденс, 2011].

Сегодня жители больших городов, сталкиваясь с многочисленными представителями «этнических меньшинств», в большинстве случаев также проявляют отнюдь не вежливое невнимание, а наоборот, часто презрительное, неодобрительное, неприязненное отношение к мигрантам, одаривая их соответствующим взглядом. Исследование трудовых мигрантов в Москве, результаты которого представляет в своей публикации Е. Тюрюканова, подкрепляет такое наблюдение:

Мигранты разительно отличаются от местного населения, сторонятся людей, избегают контактов с милицией и официальными организациями, работают и живут в таких условиях, которые местное население считает неприемлемыми, – все это стимулирует отчуждение, а значит, настороженное, негативное отношение к приезжим [Тюрюканова, 2009. С. 173].

Ряд исследователей подчеркивают, что «разнообразие, не освоенное и не трансформированное в социальный капитал, стало опорой деструктивных процессов, о чем свидетельствуют конфликты, социальные по сути, но межэтнические и межкультурные по форме, периодически возникающие в российских городах» [Вендина, 2009. С. 46]. Помочь осу-

шествлению такой трансформации, на наш взгляд, может как раз инклюзивная социальная политика, но при условии, что в ее реализации будут обязательно задействованы как ресурсоемкие, так и слаборесурсные агенты. Кроме того, реализация инклюзивной социальной политики должна сопровождаться дополнительным обучением чиновников и специалистов, с тем чтобы представление о культурном многообразии российского общества трансформировалось и наличие мигрантов ассоциировалось не с проблемой, а скорее, с достоинством и выигрышем для социального благополучия всей страны. Пока же, по мнению Е. Тюрюкановой, степень социальной эксклюзии мигрантов остается высокой, и «новый миграционный менеджмент должен стать <...> более гуманным и уважающим права человека» [Тюрюканова, 2009. С. 174].

Пожалуй, одним из самых показательных моментов, фиксирующих неготовность общества и его институтов к реализации инклюзивной социальной политики, является деятельность нашей полиции. Осуществленное при поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров недавнее четырехлетнее исследование повседневной работы российских полицейских дает представление о том, каковы, например, практики их взаимодействия с мигрантами и вообще представителями «этнических меньшинств» [Милиция и этнические мигранты... 2011]. Авторы исследования утверждают, что институционализация «дискриминационных практик милиции по отношению к <...> "этническим меньшинствам" происходит с подачи государства. В результате среди рядовых сотрудников милиции формируются навыки практического расизма» [Милиция и этнические мигранты... 2011. С. 199].

Среди практик взаимодействия сотрудников милиции с мигрантами отмечаются как незаконные операции по борьбе с нелегальной миграцией, которые обычно производятся сотрудниками ППС и транспортной милиции по собственной инициативе, так и регулярно проводимые МВД официальные операции типа «Паспорт» и «Нелегальный мигрант». Эмпирические данные (интервью, дневники наблюдения, материалы СМИ и законодательных актов) дают основания авторам высказать предположение, что на самом деле «цель таких операций состоит в бюрократической необходимости МВД демонстрировать свою деятельность Администрации Президента и Правительству РФ» [Милиция и этнические мигранты... 2011. С. 197].

Исключенность мигрантов из принимающего общества, использование по отношению к ним других, гораздо более низких стандартов в работе и в быту доказывает наличие идеологии двойных стандартов и сложившейся практики поддержания образа мигранта как «человека второго сорта» в общественном сознании. Остается согласиться с тем, что мультикультурным мегаполисам сегодня необходима политика интеграции и включенности [Мукомель, 2011; Тюрюканова, 2009. С. 173].

На наш взгляд, одним из наиболее разработанных и успешных опытов социальной инклюзии может считаться инклюзивное образование, являющееся составной частью социальной политики. Все большее внимание приходится уделять не только инклюзивному обучению детей с ограниченными возможностями здоровья, но и распространять принципы инклюзии на детей мигрантов, обучающихся в наших школах, которым предстоит пройти долгий и зачастую болезненный процесс адаптации и интеграции в местное сообщество вместе с их семьями. В основном практики и исследователи, погруженные в тематику инклюзивного образования, отмечают среди барьеров на пути к инклюзии детей мигрантов несовершенство законодательной базы, отсутствие единой системы учета мигрантов и их семей, невозможность полноценно пользоваться услугами системы здравоохранения и образования при отсутствии гражданства, высокий уровень концентрации детей мигрантов в ряде школ, наличие языкового барьера [Александров, Иванюшина и др., 2012. С. 20–21].

Таким образом, несмотря на не слишком благоприятные социокультурные, институциональные, политические и экономические условия и предпосылки формирования инклюзивной социальной политики в России, есть определенные основания полагать, что именно сегодня, в период возросшей деятельностной активности ряда групп и сообществ, будет закладываться культурная основа социальной инклюзии и социальной интеграции как принципов современного глобального общества. В условиях мультикультурного общества внимание к разного рода культурным, идеологическим, поведенческим, символическим основаниям социальной эксклюзии должно быть еще более пристальным и в то же время требовать активного участия самих меньшинств в реализации преимуществ культурного многообразия и, следовательно, в усилении социальной сплоченности общества на основе принципов инклюзии. Тогда социальные институты, не обладающие достаточными собственными ресурсами для перехода на позиции социальной инклюзии, получат от агентов необходимую подпитку в виде новых инициатив, дополнительной лояльности к инновациям, доверия, открытости, настроенности на диалог и активной нацеленности на социальные изменения. На наш взгляд, для того чтобы научиться видеть в социальной инклюзии общее благо, государству и разнообразным социальным институтам необходимо преодолеть не только «ментальную инерцию» в плане видения социальной политики как основы общества, базирующегося на интеграции его членов, но и стать более восприимчивым к новым требованиям в плане компетенций госслужащих и социальных работников, учителей и работников дошкольных учреждений, перестать бояться открытого

диалога с гражданами и постепенно превратить практики социальной инклюзии в общественную норму.

Список источников

Александров Д. А., Иванюшина В. А. и др. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2012.

Бек У. Что такое глобализация? / пер с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 96–97.

Бородкин Ф. М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 5–17.

Вендина О. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве; под ред. Ж. А. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009. С. 46.

Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. М.: Издат. и консалтинговая группа «Праксис», 2011.

Города, доброжелательные к детям. Буклет ЮНИСЕФ // http://www.krd.ru/files/file/semya_detstvo/buklet.pdf

Дмитриев Т. Сокрушительная современность Энтони Гидденса. Вступительная статья // Гидденс Э. Последствия современности/пер. с англ. М.: Издат. и консалтинговая группа «Праксис», 2011. С. 2–37.

Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: МОНФ; ЦСПГИ, 2008.

Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010.

Лагерь для мигрантов. 25.10.2012 // Официальный сайт ЛДПР // http://www.ldpr.ru/#ldpr_talks/analytics/Camps_for_migrants

Малахов В. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты. 22.12.2011 // Полит.ру // <http://www.polit.ru/article/2012/01/27/malakhov>

Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М., 2002. С. 48–60.

Малева Т. А. Социальная политика должна быть дифференцированной. 11.03.2012 // <http://www.hse.ru/news/extraordinary/49118276.html>

Межкультурные города. К модели межкультурной интеграции / под ред. Ф. Вуда. Совет Европы. 2009 // http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/cities/ICCMModelPubl_ru.pdf

Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. СПб.: Алетейя, 2011. С. 199.

Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 34–50.

Оберемко О. Общество как пространство для (само)идентификации и гражданского действия // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / под. ред. Е. С. Петренко. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008.

Рейтинг российских городов, доброжелательных к детям // РИА Новости. Социальный навигатор. 01.06.2011 // http://ria.ru/ratings_multimedia/20110601/379697482.html

Сизова И.Л. Социальное государство в современном обществе и динамика российской композиции социальной политики // *Личность. Культура. Общество*. 2006. Вып. 3 (31). С. 172–193.

Тюрюканова Е. Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество // *Иммигранты в Москве* / под ред. Ж. А. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009. С. 148–175.

Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

Ярская В.Н. Инклюзия – новый код социального равенства // *Образование для всех: политика и практика инклюзии*. Саратов: Научная книга, 2008.

Archer M. *Being Human*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Banting K., Kymlicka W. *Multiculturalism and the Welfare State: Setting the Context // Multiculturalism and the Welfare State. Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies*/ed. by K. Banting, W. Kymlicka. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 4–5.

Bauböck R. *Recombinant Citizenship // Inclusions and Exclusions in European Societies* / ed. by A. Woodward, M. Kohli. London: Routledge, 2001. P. 38–58.

Constructing an Inclusive Institutional Culture. Intercultural Competencies in Social Services. Methodological Guide. 2011. Council of Europe // http://www.coe.int/t/dg3/socialpolicies/socialcohesiondev/guide_en.asp

Creating an Inclusive Society: Practical Strategies to Promote Social Integration. 2009 // <http://www.un.org/esa/socdev/egms/docs/2009/Ghana/inclusive-society.pdf>

European Civic Citizenship and Inclusion Index. Brussels: British Council, 2005 // <http://fpc.org.uk/fsblob/416.pdf>

European Social Policy. Options for the Union. Commission of the European Communities. Consultative document. Communication by Mr Flynn. 17.11.1993. P. 43–49 // http://ec.europa.eu/green-papers/pdf/social_policy_options_gp_com_93_551.pdf

Fish S. *Boutique Multiculturalism, or Why Liberals Are Incapable of Thinking about Hate Speech* // *Critical Inquiry*. 1997. Vol. 23. № 2. P. 378–395.

Giddens A. *The Third Way and Its Critics*. Cambridge: Polity Press, 2000.

Giddens A. *Central Problems of Social Theory*. London: MacMillan, 1979.

Goffman E. *Behaviour in Public Places*. NY: The Free Press, 1963.

Intercultural Cities: Governance and Policies for Diverse Communities // http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/Cities/Default_en.asp

Levitas R. *The Inclusive Society? Social Exclusion and New Labour*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Levitas R., Pantazis C., Fahmy E., Gordon D., Lloyd E., Patsios D. *The Multi-dimensional Analysis of Social Exclusion*. Bristol Institute for Public Affairs, University of Bristol, 2007.

Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. NY: Simon, Schuster, 2000.

Silver H. *Social Exclusion and Social Solidarity: Three Paradigms* // *International Labour Review*. 1994. Vol. 133. P. 531–578.

Silver H. Understanding Social Inclusion and Its Meaning for Australia // Australian Journal of Social Issues. 2010. Vol. 45. № 2. P. 183–211.

Wolf M. Globalization and Social Exclusion: Some Paradoxes // Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994. P. 81–102.

References (Cyrillic letters are transliterated)

Aleksandrov D. A., Ivanyushina V. A. i dr. Polozheniye detey migrantov v Sankt-Peterburge. M.: Detskiy fond OON (YuNISEF), 2012.

Bek U. Chto takoye globalizatsiya? / per s nem. M.: Progress-Traditsiya, 2001. S. 96–97.

Borodkin F. M. Sotsialnyye ekslyuzii // Sotsiologicheskii zhurnal. 2000. № 3/4. S. 5–17.

Vendina O. Kulturnoye raznoobraziye i «pobochnyye» efekty etnokulturnoy politiki v Moskve // Immigranty v Moskve; pod red. Zh. A. Zayonchkovskoy. M.: Tri kvadrata, 2009. S. 46.

Giddens E. Posledstviya sovremennosti / per. s angl. M.: Izdat. i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2011.

Goroda, dobrozhelatelnyye k detyam. Buklet YuNISEF // http://www.krd.ru/files/file/semya_detstvo/buklet.pdf

Dmitriyev T. Sokrushitel'naya sovremennost Entoni Giddensa. Vstupitel'naya statya // Giddens E. Posledstviya sovremennosti / per. s angl. M.: Izdat. i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2011. S. 2–37.

Inklyuziya kak printsip sovremennoy sotsialnoy politiki v sfere obrazovaniya: mekhanizmy realizatsii / pod red. P. Romanova, Ye. Yarskoy-Smirnovoy. M.: MONF; TsSPGI, 2008.

Kak lyudi delayut sebya. Obychnyye rossiyane v neobychnykh obstoystelstvakh: kontseptualnoye osmysleniye vosmi nablyudavshikhся sluchayev / pod red. V. A. Yadova, Ye. N. Danilovoy, K. Kleman. M.: Logos, 2010.

Lagerya dlya migrantov. 25.10.2012 // Ofitsialnyy sayt LDPR // http://www.ldpr.ru/#ldpr_talks/analytics/Camps_for_migrants

Malakhov V. Posle multikulturalizma: Yevropa i eye immigranty. 22.12.2011 // Polit.ru // <http://www.polit.ru/article/2012/01/27/malakhov>

Malakhov V. Zachem Rossii multikulturalizm? // Multikulturalizm i transformatsiya postsovetских obshchestv / pod red. V. S. Malakhova i V. A. Tishkova. M., 2002. S. 48–60.

Maleva T. A. Sotsialnaya politika dolzhna byt differentsirovannoy. 11.03.2012 // <http://www.hse.ru/news/extraordinary/49118276.html>

Mezhkulturnyye goroda. K modeli mezhkulturnoy integratsii / pod red. F. Vuda. Sovet Yevropy. 2009 // http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/cities/ICCMModelPubl_ru.pdf

Militsiya i etnicheskiye migranty: praktiki vzaimodeystviya / pod red V. Voronkova, B. Gladareva, L. Sagitovoy. SPb.: Aleteyya, 2011. S. 199.

Mukomel V. I. Integratsiya migrantov: vyzovy, politika, sotsialnyye praktiki // Mir Rossii. 2011. № 1. S. 34–50.

Oberemko O. Obshchestvo kak prostranstvo dlya (samo)identifikatsii i grazhdanskogo deystviya // Grazhdanskoye obshchestvo sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskiye zarisovki s natury / pod. red. Ye. S. Petrenko. M.: In-t Fonda «Obshchestvennoye mneniye», 2008.

- Reyting* rossiyskikh gorodov, dobrozhelatelnykh k detyam // RIA Novosti. Sotsialnyy navigator. 01.06.2011 // http://ria.ru/ratings_multimedia/20110601/379697482.html
- Sizova I. L.* Sotsialnoye gosudarstvo v sovremennom obshchestve i dinamika rossiyskoy kompozitsii sotsialnoy politiki // *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*. 2006. Vyp. 3 (31). С. 172–193.
- Tyuryukanova E.* Trudovyye migranty v Moskve: «vtoroye» obshchestvo // *Immigranty v Moskve* / pod red. Zh. A. Zayonchkovskoy. M.: Tri kvadrata, 2009. S. 148–175.
- Ukaz* Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 «O Strategii gosudarstvennoy natsionalnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» // <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
- Yarskaya V. N.* Inklyuziya – novyy kod sotsialnogo ravenstva // *Obrazovaniye dlya vsekh: politika i praktika inklyuzii*. Saratov: Nauchnaya kniga, 2008.
- Archer M.* *Being Human*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Banting K., Kymlicka W.* *Multiculturalism and the Welfare State: Setting the Context // Multiculturalism and the Welfare State. Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies* / ed. by K. Banting, W. Kymlicka. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 4–5.
- Bauböck R.* *Recombinant Citizenship // Inclusions and Exclusions in European Societies* / ed. by A. Woodward, M. Kohli. London: Routledge, 2001. P. 38–58.
- Constructing an Inclusive Institutional Culture. Intercultural Competencies in Social Services. Methodological Guide*. 2011. Council of Europe // http://www.coe.int/t/dg3/socialpolicies/socialcohesiondev/guide_en.asp
- Creating an Inclusive Society: Practical Strategies to Promote Social Integration*. 2009 // <http://www.un.org/esa/socdev/egms/docs/2009/Ghana/inclusive-society.pdf>
- European Civic Citizenship and Inclusion Index*. Brussels: British Council, 2005 // <http://fpc.org.uk/fsblob/416.pdf>
- European Social Policy. Options for the Union*. Commission of the European Communities. Consultative document. Communication by Mr Flynn. 17.11.1993. P. 43–49 // http://ec.europa.eu/green-papers/pdf/social_policy_options_gp_com_93_551.pdf
- Fish S.* *Boutique Multiculturalism, or Why Liberals Are Incapable of Thinking about Hate Speech // Critical Inquiry*. 1997. Vol. 23. № 2. P. 378–395.
- Giddens A.* *The Third Way and Its Critics*. Cambridge: Polity Press, 2000.
- Giddens A.* *Central Problems of Social Theory*. London: MacMillan, 1979.
- Goffman E.* *Behaviour in Public Places*. NY: The Free Press, 1963.
- Intercultural Cities: Governance and Policies for Diverse Communities* // http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/Cities/Default_en.asp
- Levitas R.* *The Inclusive Society? Social Exclusion and New Labour*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.
- Levitas R., Pantazis C., Fahmy E., Gordon D., Lloyd E., Patsios D.* *The Multi-dimensional Analysis of Social Exclusion*. Bristol Institute for Public Affairs, University of Bristol, 2007.
- Putnam R.* *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. NY: Simon, Schuster, 2000.
- Silver H.* *Social Exclusion and Social Solidarity: Three Paradigms // International Labour Review*. 1994. Vol. 133. P. 531–578.

Silver H. Understanding Social Inclusion and Its Meaning for Australia // Australian Journal of Social Issues. 2010. Vol. 45. № 2. P. 183–211.

Wolf M. Globalization and Social Exclusion: Some Paradoxes // Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994. P. 81–102.

Антонова Виктория Константиновна – доктор социологических наук, PhD,
профессор кафедры общей социологии Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики», Москва,
электронная почта: v_antonova@mail.ru

Victoria K. Antonova – Doctor of Sociology, PhD, Professor, Department of General
Sociology, National Research University
"Higher School of Economics", Moscow,
e-mail: v_antonova@mail.ru
